ПОСЛАНІЕ

къ *А. М. Бр.*

1783 г.

Любови, нѣжностей своихъ лѣтописатель,
Нѣжнѣйшихъ лѣтъ моихъ товарищъ и прїятель!
Что дѣлаешъ теперь у сѣверной Двины?
Совсемъ ли погруженъ въ Ѳемидины ученья
И углубясь въ гражданскїе чины,
Ты пишешъ заключенья,
Отрекшись рифмъ и музъ
И бросивъ на всегда любовны приключенья?
Или не скинувши еще сердечныхъ узъ,

Вздыхаешъ и еще елегіи ты пишешъ,
Богатъ любовями, которыми ты дышешъ?
Какимъ уменіемъ содержишъ ты союзъ
Межъ смуглой красоты и между белокурой,
Обеимъ веренъ бывъ?
Клянешсяль ихъ красой предъ умницей и дурой,
Во уверреньяхъ тщивъ?
И руководствуемъ любовью и натурой
Непринужденные слагаешъ ли стихи,
Въ которыхъ скромные вздыхаютъ пастухи?

Послушай моего раскола толкованье:
Какими средствами хочу,
Что бы досталось рифмачу
Любвидостойнаго писателя названье.

Два штила разные, *любовникъ* и *Піитъ*,
Сливаются въ одно и могутъ разделиться.
Въ *Киоерѣ* более *Гомера* знаменитъ

Гос. Истор. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 289382
„........“ .... 1937 г.

Вздыхающій *Мимнермъ*:* онъ лучше зналъ
любиться.
Нѣтъ: Муза не бѣжитъ сообщества любви.
Охотно странствуетъ она ея стезею,
И наслажденья длитъ пріятностью своею:
Щасшливой спутникъ ихъ! цвѣты родя-
щись рви.

Таковъ сей *Колардо*, исполненъ чув-
ствомъ щастья,
Которымъ онъ въ рукахъ *Глицеры* упоенъ,
Слагалъ стихи, вдыхающи пристрастья
И сыплющіе огнь, которымъ онъ былъ зженъ,
Таковъ *Доратъ*, *Бернисъ*, бывъ маленькимъ
игумномъ,
Безсмертью предали ихъ юную любовь.
За ними тысящи являющихся вновь,
Творцовъ сіяющихъ, въ народѣ остроумномъ.

Межъ нашихъ баричей зачѣмъ я меньше зрю
Произведеньями хотящихъ удостоить

* Plus in amore valet Mimnermi versus Homero. *Propert.*

Россійскія поезіи зарю?
Кому ко вкусу насъ удобнѣе настроить,
Какъ не судьямъ рожденнымъ щегольства
И собесѣдникамъ при столикахъ уборныхъ?
Вашъ легкой разговоръ наполненъ мастерства,
Вы не скудаетесь въ реченіяхъ отборныхъ;
Зачѣмъ не удѣлить отъ вашихъ дѣлъ придворныхъ
Немножко праздности, чтобъ слова два
Стишковъ естественныхъ набросить на бумагу?
Французски рицари съ перомъ счетали шпагу
И не были смѣшнѣе отъ того.
Пезей не давно жилъ: *Буфлеръ* живетъ и нынѣ,
Рифмуетъ мастерски, работаетъ въ картинѣ
И въ обществѣ не тратитъ ни чего.

Какое щастіе! какое заблужденье,
Достойно замѣнить прямое наслажденье!

Во сокровенности внимать обмана гласъ,
Что писменъ въ области считаютъ люди
нас;
Отъ нашихъ разумовъ желаютъ славной дани
Картинъ, согласія и чувствія утѣхъ;
Во начертаньяхъ нашей длани
Старинныхъ витязей желаютъ видѣть брани,
Ввѣряютъ править свой въ явленьѣ плачь
и смѣхъ.

Я былъ тщеславнѣе, когда я былъ моложе:
(Признанье, видите, гораздо съ правдой
схоже.)
Я зачалъ было вдругъ два разные пути,
Во разстояніи идущіе далекомъ:
Хотѣлъ способности себѣ я запасти,
Чтобъ стихотворцомъ быть и свѣтскимъ
человѣкомъ,
И удержать въ согласьѣ нѣкомъ
Со философіей разсѣянія вкусъ.
Обоими забрелъ въ непроходимы степи.

Порядки общества суть мыслящему цѣпи;
А тотъ, кто въ обществѣ свой выдержалъ
искусъ,
Звѣваетъ въ обхожденьѣ музъ.
Въ наукѣ нравиться учу я основанья,
И старой ученикъ не знаю и аза;
И не задремлется со мной лоза,
Которой общество чинитъ увѣщеванья.
Межъ тѣмъ умедлены успѣхи дарованья,
Которо льстился я въ поезїи имѣть.
Умедлены? . . я выражаю мало:
Ихъ уничтожено въ душѣ моей начало.
Прелестна лѣнь поставила мнѣ сѣть,
Изъ коей я не выду:
Не бывъ *Ринальдомъ* я нашелъ свою *Ар-
миду*,
И облѣняяся, забылъ искуство пѣть.

Пїитомъ трудно быть: полегче Офицеромъ.
Съ *Доратомъ* я успѣлъ сравняться
въ томъ,

Что онъ былъ Мускетеромъ.
Но пусть я напишу урывковъ томъ;
Не буду чтомъ:
Не удостоюся *Дората* взять примѣромъ
Въ его *фантасїяхъ*, *посланьяхъ*, *холостомъ*,
Ни во *Елвиринной* ошибкѣ за кустомъ.
Или въ семъ воздухѣ отягощенномъ, сѣромъ,
Не можно здѣлаться *Буфлеромъ*,
Пезеемъ, *Нювъ-Шатомъ*,
И долженъ легонькой вѣночекъ быть плетомъ
Боннаромъ, *Имбертомъ*, *Парнїемъ* и
Кюбверомъ?

Не хладнымъ воздухомъ стѣсненна голова:
Причиной то, что мы внѣ общества коснѣемъ.
Мы етихъ не имѣемъ
Болтанья и шпынства:
Робчаѣ испускать слова мы остры смѣемъ,
Которы съ лихвою уходятъ въ общества,
И упражняютъ злобу

Головъ сіяющихъ, не заняшыхъ ни чѣмъ,
Которыя зѣваютъ отъ системъ
И слышать чувствія не могутъ безъ ознобу
Творцы далекіе отъ общества госпожъ,
Самодвигалища, въ искуствѣ жить невѣжи,
Готовы пасть во вертопрашьи мрежи,
На коихъ дамы взоръ наводитъ дрожъ,
Напишутъ ли они въ своихъ посланьяхъ тожъ,
Что щегольской *Доратъ* и школьники *Волтера*,
Сего чудеснаго, столѣтняго шалбера
По превосходству мудреца,
Которой говорилъ прекрасными стихами,
Къ которому стихи въ уста входили сами.
Его привѣтствія не чувствуютъ писца;
Но просвѣщеннаго и тонкаго Маркиза.
Замѣтьте, что Маркизъ не могъ воспѣть бы *Гиза*,
Не могъ бы написать, шестидесяти лѣтъ,
Вступающа въ Катай великаго *Чингиза*,
Унизить свой потомъ трагической полѣтъ

К *Маркизѣ де Вилвет*,
И во власахъ сѣдыхъ бренчать еще на лирѣ
Младыя шалости и растворять въ сатирѣ
Свой лицемѣрной слогъ,
И философствовать съ величествомъ о мірѣ,
О мироздателѣ: *Волтеръ* все ето могъ.
И славну старость велъ, со завистью у ногъ,
Превыше хвалъ, превыше порицаній.
Въ Парижѣ, сколько восклицаній,
Когда явился онъ къ принятію вѣнца!
Изящные умы, боярыни, велможи,
Придворныхъ легкой рой изъ королевской ложи,
Плескали долго въ честь великаго Творца.
За ними вся толпа плескала безъ конца.
Неподражателенъ во легонькихъ твореньяхъ,
Каковъ величественъ въ мудреческихъ па-
реньяхъ,
Писалъ бездѣлицы и сказочки точилъ
Друзьямъ своимъ, начинены соблазномъ,
Всегда смышленъ, сіяющъ, милъ,
Являя истинну въ преодѣванье разномъ.

Такой-то нравится во обществѣ творецъ,
Перебѣгающїй всѣ чувствованїй струны,
Которой изжилъ бы во свѣтѣ лѣта юны
И здѣлался мудрецъ
Волненьями Фортуны,
Открывшими ему излучины сердецъ.
Умѣетъ строить онъ свой голосъ важно,
резво,
И вѣрной вкусъ и разсужденье трезво
Хранятъ его пути,
На высоту ли онъ иль хочетъ въ низъ итти.

Затѣмъ, что вишь совсѣмъ другое ба-
лагурить
Другое умствовать въ стихахъ.
Въ издѣвошномъ письмѣ не мысля о вещахъ
Касаются имъ вскользь: и воля бѣдокурить
Двойными рифмами, на свой однако страхъ,
Чтобъ скуки черезъ нихъ не вышло удвоенья.
Подъ защищенїемъ словца,
Проходятъ, молнїей, пустыя выраженья,

Полурисованны чертой изображенья,
Уподобленья безъ конца.
Такимъ-то тономъ
Піянствуя *Шапелль*, поддержанъ *Башомономъ*,
Описывалъ свой путь
Въ *Шампанью*.
Но должно простіе свое перевернуть,
Коль обратимъ его къ учебному писанью.
Желаетъ Философъ,
Чтобъ столько вѣсу, сколько словъ,
Вмѣщалося въ стихахъ простыхъ и благородныхъ,
Съ ихъ винословьемъ сходныхъ.
Чтобъ слогъ исполненъ смысла текъ,
Отъ возглашенія надменнаго далекъ:
Чтобъ мыслей правильны всѣ были переходы
И въ полномъ видѣ ихъ представлены доводы.

Но судъ удобенъ всѣмъ: искуство тяжело.
Посудимъ-ка себя, нахмуривши чело.

Увы! . . . я не сорвалъ безъ терний розу.
Мое достоинство писать на рифмахъ прозу,
Безъ вображенія, противу языка,
Всечасно падая подъ критикову лозу.
Осталось ли со мной сравненье виртуозу,
Плѣняющему слухъ движеніемъ смычка?
Его художество прекрасно, благородно;
Мое удобно всѣмъ и слуху неугодно.
Чтобы возвыситься, Поезїя должна
Изъ живописи быть съ музыкой сложена.
Достоинъ *Аріостъ* итти съ *Паизїеломъ*;
Но сельской скоморохъ моимъ быть можетъ дѣломъ,
Которой на гудкѣ заставленъ поскрыпѣть,
Мѣшаетъ мужикамъ согласно пѣсню спѣть.

За чувствованіе, вселяющесь глубоко,
За полный мыслей слогъ, за живописно око,
За прелести ума и мастерство писать,
Должна Піитовъ честь въ вѣкахъ не угасать;

Но не за то что рифмъ обиліе имѣли
И ими вещь облечь нестоющу умѣли.
Въ стихѣ изломанномъ мысль добрая па-
детъ,
Но стихъ есть только звукъ, когда въ немъ
мысли нѣтъ.

Писать есть обще всѣмъ: писать какъ ма-
стеръ рѣдко.
За тѣмъ-то видимъ мы, что малости умовъ,
Какіе *Попъ*, *Волтеръ*, суть прелестью
вѣковъ;
Педантовъ книги въ листъ сжираетъ время
ѣдко,
Иль оставляетъ жить для сраму ихъ
творцовъ.
Пишите, коимъ кисть дала природа
въ руки
И взоръ, чтобъ облетѣть и выучить
науки.

Пишите, не боясь, что зависть станетъ грызть,
Восторги ваши вамъ успѣховъ суть поруки;
Вселенной красота для вашихъ чертъ корысть.

НАДПИСЬ
къ изображенїю Алины
1784 г.

Алины здѣсь ты зришъ изображенье,
За коей въ слѣдъ идетъ обвороженье
И нѣжныя смущенья льются въ кровь.
Ребенокъ злой, прелестной, какъ любовь,
Которой все убранство въ небреженьѣ:
Которая, сводя людей съ ума,
Въ безумствѣ всѣхъ спокойствуетъ сама.

СИЛА ГЕНІЯ.

1785 г.

Любимцы Генія отъ самой колыбели
Прекраснаго заемлютъ нѣжной вкусъ,
И видятъ Грацій хоръ и слышатъ пѣсни
Мусъ.
Тьмой разныхъ онъ стезей ведетъ ихъ
къ славной цѣли
И расточаетъ тьму даровъ:
Потомства похвалы и почести дворовъ
И плески множества и душъ отмѣнныхъ
дружбу.
Дыханьемъ Генія тревожится Піитъ,
И мыслитъ Философъ, и рвется Сибаритъ
Изъ рукъ отчаянной любовницы на службу

оик № 2285

И въ двашцашь лѣшъ уже побѣдой знаменишъ.
Но менѣе сердишъ,
Сей Генїй резвосши влагаешъ въ пусшомелю,
Кошорой при дворѣ на службѣ шу недѣлю,
Пригошовляешъ цвѣшъ Темириныхъ ланишъ,
Внушаешъ сказку *Мармоншелю*,
И съ *Бомарше* шрунишъ.

Не можешъ шяжкой шрудъ и хладно размышленье
Свободнымъ Генїя полешамъ подражашь
И сокровенную печашь,
Кошорой онъ свое даешъ благоволенье,
Нельзя поддѣлашь ни сломашь.
Сей огнь божесшвенной, сїе одушевленье,
Кошорое шворишъ,
Онъ, онъ его своимъ возлюбленнымъ даришъ.
Чувсшвишельной душѣ все служишъ въ насшавленье:
Виргилїевъ, *Коррежевъ* колоришъ
Иль живописной видъ изъ *Терра ди Лаворо*,

оик-2285